

ПЕДАГОГ-ОРГАНИЗАТОР, УЧЁНЫЙ, ПОЭТ
(К 85-летию Марка Григорьевича Качурина)

Фонарь погас, а Слово не погасло...
И. Лиснянская

Перечисление в названии звучит, наверное, несколько странно... Но, думаю, в биографическом пути этого человека, открытом внешнему взгляду, эти статусные знаки, скорее всего, должны быть расположены именно так. И *педагог-организатор*, действительно, надо поставить на первое место. Для сотен учителей Ленинградской области, да и других областей Советского Союза, М. Г. Качурин с 1958 по 1969 г. был директором ЛОИУУ (Ленинградского областного института усовершенствования учителей)¹, то есть несомненным организатором, который отвечал за усовершенствование педагогических кадров. Однако *организатор* в этом человеке ярко соединялся с *педагогом*, который в нём жил всегда — на любой работе.

* * *

Самоуверенная молодость моя и моих однокурсников побуждала скептически относиться к усовершенствующим нас институциям. Нам казалось, что мы многое умеем делать сами — не хуже каких-то там методистов. Наши маленькие педагогические открытия воспринимались нами как откровения, как несомненное творчество, в котором мы узнавали мир детства и открывали собственные возможности быть непохожими на других. Мы умели радоваться детской поэтической строке, маленькому, подчас корявому школьному сочинению с неожиданным образом не меньше, чем концерту симфонического оркестра под управлением Е. Мравинского, А. Янсонса или К. Зандерлинга. Не могу говорить обо всех, говорю о своих друзьях-однокурсниках. Мы любили школу, мы любили уроки, мы любили детей и открывали их для себя как огромный и бесконечный мир судеб, характеров, талантов, неожиданностей. И, наверное, мы любили себя как первооткрывателей этого мира.

Однако приходилось бывать и на обязательных педагогических мероприятиях. И вот однажды после какой-то конференции нескольких молодых учителей пригласили в кабинет директора ЛОИУУ. Слово «директор» нас, представителей поколения «отте-

пели», не повергло в трепет, в изумление, не вызвало состояния удивления или неуверенности. Можно подумать, что мы часто встречались с директорами институтов!

Нас встретил хозяин кабинета — высокий темноволосый человек с умными и удивительно тёплыми глазами. Во всём его облике было нечто, что отличало его от тех, через чьи кабинеты проходят десятки, а может, и сотни людей и у кого уже давно пропал или скрыт интерес к человеку, а остался лишь один служебный вопрос, который можно решить или не решить. Разве я могла предположить тогда, что среди множества людей, встреченных мною в жизни, этот человек окажется значимым в моей судьбе? Что он станет таким человеком, который никогда не исчезнет из моей жизни, будет принадлежать к тому редкому типу людей, с которыми иногда ты подолгу не встречаешься, не переписываешься, не знаешь о событиях их жизни, а когда встретишься, то будто бы и не бывало этих долгих пропусков и перерывов. Они, такие люди, всегда остаются в твоём жизненном круге...

...Хозяин кабинета предложил нам сесть на большой старинный диван, а сам сел напротив и стал расспрашивать о работе, о трудностях, о нашем устройстве в бытовом плане, об интересах. Казалось, это такой дежурный разговор... Нам было сказано, что для сельских учителей институт проводит интересные встречи с писателями, чтецами, актёрами, что здесь всегда можно получить консультацию по проблемам методики преподавания, что здесь нам помогут обобщить наш опыт. Господи, какой у нас был опыт...

Беседовать было интересно. Чем подкупил тот далёкий разговор? Серьёзностью, искренностью, заинтересованностью, какой-то теплотой, которая не вязалась с должностью человека.

Вернулись школьные будни. Иногда они окрашивались чем-то неожиданно тёплым. Например, письмом из этого самого ЛОИИУ, в котором к тебе обращались не анонимно *Уважаемый(-ая)*, а по имени-отчеству, как к знакомцу и известному там человеку. Тебя приглашали на *круглый стол*, проводимый «Учительской газетой», или на какую-нибудь встречу — с припиской от руки: «Будет интересно». Иногда была просьба — «Не опаздывайте». Иногда уточнение — «Встреча будет в ротонде»² и др. Это и в самом деле было тепло, по-дружески, совсем не официально. Это подкупало, сближало с официальным учреждением, занимавшимся усовершенствованием педагогических кадров.

Конечно, наиболее близкими для нас стали методисты из кабинета русского языка и литературы — Н. А. Плёткин и М. А. Шнеерсон. Но тон всей работе, общению с педагогами, как я поняла позднее, задавал М. Г. Качурин. Я помню его выступления перед учителями. Он избегал излишне «онаученной» речи, официальности, говорил неспешно, непафосно, как будто ведя разговор с конкретным собеседником, а не с большой аудиторией, о чём свидетельствовали риторические вопросы, обращения, вся интонация устного выступления, размышления вслух.

И вот первое обобщение *моего* опыта. Школа выдвинула меня в район, район — в область. Надо с докладом ехать в ЛОИИУ, чтобы там оценили его, помогли доработать и т. д.

Со мной работал Н. А. Плёткин. Удивительный это был методист! О стиле его работы, о личности говорят воспоминания тех, кто с ним работал и встречался³.

Может, это его стиль работы с учительскими выступлениями, докладами повлиял впоследствии на мои рецензии ученических сочинений, потом — студенческих контрольных работ, а ещё позднее — аспирантских текстов?

А потом мои тексты попали в руки М. Г. Качурина, и я тоже увидела его внимательное, заинтересованное отношение к учительскому докладу, обобщению опыта, статьям. Благодаря поддержке М. Г. Качурина, появились мои первые публикации. Не было тогда такой сегодня распространённой лексики, как педагогическая поддержка,

сопровождение и пр., но то, что делал институт, руководимый этим человеком, было больше, чем все эти явления вместе взятые. Была действительная забота об учителе, о его психологическом состоянии, о его развитии, о том, где он переночует, если пойдёт на вечерний спектакль, было настоящее стремление открыть в нём потенциал, может быть, неизвестный самому человеку, сделать его уверенным, расширить его образованность, пробудить гуманное состояние души. По-моему, там хорошо понимали, что робкий, зависимый, всего боящийся и малообразованный человек может в отношениях с детьми стать агрессивным, злым, мстя за свою несостоятельность и неудачи.

А потом меня пригласили в ЛОИУУ на работу. Мне пришлось работать под прямым руководством М. Г. Качурина. В должности зав. кабинетом педагогики я хорошо увидела его организаторский и педагогический талант. Именно в беседах с ним я многое узнала о директорах школ и учителях области, о наиболее талантливых из них. М. Г. меня не поучал как неопытного методиста, но всем характером своего собственного отношения к учителям, знания об их судьбах, об их работе закладывал бережное, внимательное отношение к каждому из них. Ведь так легко сказать: «Что Вы тут написали?» или небрежно заметить: «Это никуда не годится...» А потом высокомерно посмотреть, как краснеет и смущается автор, много старший по возрасту. В институте такое было исключено. Там по-настоящему заботились, пеклись об учителях.

Это было время подготовки к педагогическим чтениям. Под влиянием М. Г. Качурина и его коллег-словесников я приучилась терпеливо читать написанные в тетрадках доклады наших областных учителей, не спешила иронизировать по поводу стилистики и описательного способа учительского изложения. Я стремилась понять личность учителя, в его опыте увидеть наиболее ценное, интересное для других, помочь автору выявить в работе новую идею или обновление уже известной. Говоря о «декоративности» методической работы, какой она представлялась в то время «наверху», М. Г. пишет в неопубликованных воспоминаниях о трудности обобщения педагогического опыта: «Эта сложнейшая исследовательская работа, к которой педагогические вузы никогда не готовили, считалась доступной каждому педагогу, уж тем более методисту; надо только постороже потребовать. Мудрено ли, что доклады и иные материалы “из опыта” чаще всего рапортовали об успехах, а реального опыта не раскрывали, состояли из перечня приёмов, вопросов, заданий, а учителей и особенно учеников там было не видно...» Думаю, это трудное умение — раскрывать внутреннюю сторону учебного процесса, образования — стало складываться у меня в ту пору под влиянием уроков старших коллег.

Образцом работы методиста с учителем была папка с моим собственным докладом, тщательно оформленная: А. С. Роботова. Литература на уроках русского языка. Вырицкая школа № 1. 1964 г. Текст доклада был отпечатан со сносками и по всем правилам. А содержание доклада сохраняло и идею автора, и своеобразие его авторского описания. Именно так учили работать в ЛОИИУ с учительскими текстами, за которыми стояли сотни уроков и бессонные ночи по написанию доклада, представляемого как «опыт», как выступление на педагогических чтениях.

Это вовсе не было случайностью. В институте работал дружный творческий коллектив. Сам М. Г. об этой поре пишет так: «Вообще коллектив института быстро сдружился, конфликты разрешались просто и миролюбиво, работать было интересно: вечно мы что-то выдумывали — ради учителей и чтобы самим веселее было жить...»

Во время выездов в областные школы я училась у М. Г. Качурина анализировать уроки, оценивать работу учителей и школы, участвовать в педагогических советах, овладевать другими необходимыми педагогическими умениями и ни в коем случае не присваивать инспекторские функции при посещении уроков.

Однако в душе я оставалась учителем, меня неудержимо тянуло в школу, и я вернулась туда. Но как учитель я по-прежнему сотрудничала с ЛОИУУ: принимала участие в работе семинаров, даже в симпозиуме, проведённом лабораторией Л. И. Новиковой «Коллектив и личность», в конференции по факультативным занятиям, в Всесоюзных педагогических чтениях к столетию В. И. Ленина. Именно отсюда начался мой путь в науку, в аспирантуру при кафедре педагогики.

В это время по просьбе М. Г. Качурина я участвовала в апробации нового учебника, написанного им в соавторстве с Д. К. Мотольской и М. А. Шнеерсон. Благодаря этому, я «изобрела» в своей работе такой жанр, как ученическая рецензия на главу учебного пособия. Старшеклассники «от себя» оценивали написанный учебный текст с точки зрения рассмотренных в нём проблем (литературоведческих, нравственных), анализировали логику и стилистику разделов, сравнивали информативность пособия с другими источниками. Эти суждения оказались для М. Г. Качурина, как он говорил позднее, не менее важными и авторитетными, чем отзывы учительские: ведь учебное пособие пишется в первую очередь для школьников.

Потом наши пути многократно пересекались уже в ЛГПИ имени А. И. Герцена. Я была аспиранткой, а М. Г. в это время перешёл на кафедру методики преподавания литературы. Он читал лекции, вёл практические занятия, руководил аспирантами, работал по совместительству в школе. Встречались мы в деканате факультета русского языка и литературы, на заседаниях Диссертационного совета, в рекреации во время перерыва. Разговоры были короткие, но всегда не формальные. Когда сохраняется многолетнее дружеское расположение друг к другу, за несколько минут беседы можно многое понять, почувствовать...

Потом М. Г. Качурин перешёл работать на кафедру управления образованием. Знаю, что и там он работал увлечённо, лично относясь к своим слушателям — управленцам, директорам и завучам города и области. Именно от него ко мне пришла моя первая ученица-соискатель — О. А. Белянова.

Почему так любили выступления М. Г. Качурина учителя, почему у него складывались многолетние и устойчивые отношения со своими учениками-аспирантами?

Думаю, большой тайны здесь нет: заинтересованное внимание к отдельному человеку, порядочность в отношениях, бескорыстное участие в судьбах людей, искренность, даже какая-то старомодная учтивость... Это, безусловно, располагало к нему людей, протягивало нити искренней взаимности.

Но искренность, участливость, заинтересованность — это далеко ещё не всё. Ведь занятия, лекции, научное руководство требуют большой образованности. Этим учёный, безусловно, обладал. М. Г. Качурин получил хорошее филологическое образование. Он закончил филологический факультет ЛГУ, куда поступил в 1940 г. Слушал лекции М. К. Азадовского, В. Я. Проппа. Последний экзамен (по фольклору) сдавал М. К. Азадовскому, который 23 июня 1941 г. «ставил всем подряд “пятёрки”, расписывался, сдавленным голосом повторял: “Возвращайтесь, мальчики, возвращайтесь”, и слезы текли у него из-под очков».

Потом была война. Были три месяца на Невском пятачке («это было лобное место», вспоминает М. Г.), госпиталь и снова — война.

А после войны возвращение в университет и лекции известнейших учёных: Г. А. Гуковского, А. С. Долинина, В. М. Жирмунского. Другом М. Г. Качурина был Ю. Лотман, с которым они учились в одной группе, тоже недавний фронтовик и неиссякаемый «генератор идей». Университет заложил фундаментальную основу образования будущего педагога, учёного, дал толчок к исследовательской деятельности, представленной в ЛГУ научными трудами русской школы литературоведения. В чём отразилось следование М. Г. Качурина этим традициям? В уже упомянутом учебном посо-

бии по русской литературе второй половины XIX в. для девятого класса — он переиздавался 19 раз!

Знания, эрудиция, гуманитарная направленность педагогических идей — всё это вполне отразилось в устных выступлениях, в кандидатской и докторской диссертациях, в многочисленных статьях по методике преподавания литературы. М. Г. Качурин писал о путях анализа произведения, о работе с учебником литературы, о литературном театре на уроке литературы и многих других проблемах преподавания литературы в школе. М. Г. Качурин — один из авторов коллективной книги «Санкт-Петербург в русской литературе»⁴, которая в 1996 году получила диплом Анциферовской премии. Он составитель интересной хрестоматии, автор книги о литературе Древней Руси⁵.

В течение многих лет при разработке лекции о видах деятельности в учебном процессе я обращалась к педагогически содержательной и конструктивной книге М. Г. Качурина «Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы» (М., 1988). Думаю, её идеи и предложенные формы исследовательской деятельности могут быть востребованы и в современной школе.

Написание этой статьи побудило обратиться и к «всемирной паутине». Она позволила расширить мои представления о М. Г. Качурине как исследователе и литераторе. Натолкнулась на книгу «Венок поэту. Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова». Под редакцией проф. В. В. Гуры. В этом издании Вологодского фонда советской культуры (1989 г.) нашла статью М. Г. Качурина — «Батюшковские анекдоты о Раевском в истории русского реализма»⁶. Потом удивилась, что после интерпретации Л. С. Выготским рассказа И. Бунина «Лёгкое дыхание» М. Г. Качурин снова обратился к этому рассказу (М. Г. Качурин. Оля Мещерская: образ и его истолкование. «Лёгкое дыхание» И. А. Бунина)⁷. Из опубликованных работ М. Г. видно, что учёного интересовал широкий круг литературоведческих и философско-культурных проблем⁸.

* * *

Как проходила жизнь этого человека? Был всегда не простой учительский, преподавательский труд, огромное количество выступлений перед учителями: лекций, семинаров, конференций. Много времени занимала научная деятельность. Как и у всех, были семейные заботы, болезни близких, собственное нездоровье. Служебное продвижение: директорство в ЛОИУУ, работа в ЛГПИ имени А. И. Герцена (декан, заведующий кафедрой, профессор). И в течение всей жизни — поэзия. М. Г. любил поэзию. Он многое знал наизусть, мог быстро привести по памяти поэтическую строку. Сам писал стихи, достоинство которых оценивал весьма скромно и никогда не печатал. Незадолго до отъезда к сыну он прислал мне по почте несколько стихотворений. Он знал, что мы с И. Г. Шапошниковой работаем над календарём Герценовского университета, что есть проект издания календаря, посвящённого поэтам-герценовцам, учившимся или работавшим в институте.

Этим стихотворениям предшествует заголовок: «Из дневника 1950–1980 годов».

Привожу некоторые из них.

Закон бутерброда

Бывают дни, когда природа
Верна Закону бутерброда,
Уронишь сдуру бутерброд —
Он маслом книзу упадёт.
Трамвая ждёшь — один идёт,
Второй идёт, и всё не тот.

Работать станешь — всё не так,
Назло и наперекосяк ...
И кажется, что просто жизнь
Летит из рук — и маслом вниз!
Бывают дни, когда природа ...
Не ной! Нагнись за бутербродом.
Обдуй. И так себя утешь:
«Не повалешь — не поешь».

Весна

Три дня мело, и сразу день весны.
Асфальт сверкает солнечными лужами,
Где половинку дымчатой луны
Окутывает солнечное кружево.

Пропитан ветер талою водой.
И нынче без смущенья смотрит улица,
Как юноша, увитый бородой,
С девчонкой безответственно целуется.

Чёрт знает, что в груди и в голове!
Какая смесь томления и бодрости.
И я иду по Невскому к Неве
В своём обычном юношеском возрасте.

Шпиль крепости сияет над Невой.
Шуршит буксир размолотыми льдинами.
И, ветер, пролетев над головой,
Играет поредевшими сединами.

Очередь

Когда на исходе ночи
В рассветный час я родился, —
В хвосте бесконечной очереди
Я сразу очутился.

Я вечно был озабочен:
Жильё, одежда, питание.
Прошло в коллективе очереди
И всё моё воспитанье.

Набрался ценнейших сведений,
Ума, анекдотов, брани.
Узнал, что скромн последний
И нудно обидчив крайний.

Пути не искал короче
Ни в радости, ни в лишениях,
Единственный раз вне очереди
Досрочно пошёл в ополченье.

И если покину очередь, —
Бывает, знаете сами,
Припомните, между прочим,
Вот здесь я стоял, за вами.

Осенью

Звенит щеколдой зябкая рука.
На перекрёстке взвизгнули колёса.
Мчат облака стремительно и косо.
И солнце рвётся через облака.
В почтовом ящике устроился паук.
Дуб у ворот сияет медью кроны.
А у рябины лист ещё зелёный.
И слышен дятла запоздалый стук.
Здесь летом собиралась вся семья.
Смеялись и бесчинствовали внуки.
А мы пришли погреть лопатой руки,
Покуда хороши лопата и земля.

Тишина

Над озером свершалась тишина,
Которой не препятствовали звуки —
Утиный крик, плеск промелькнувшей щуки
И спиннинга звенящая струна.

Есть много разных видов тишины:
Есть тишина покоя и движенья,
Есть тишина раздумья и решенья,
Есть тишина прощенья и вины.

Бывает внутренняя тишина.
Она окрестных шумов не боится.
И для меня всего милее лица,
Где эта тишина отражена.

Дух тишины есть откровенья дух.
Дух творчества, огня и озаренья.
Или того рубежного мгновенья,
Когда огонь взметнулся и потух.

Мы в тишине как будто в вышине,
Откуда можно всё увидеть разом.
И, кажется, что распахнулся разум,
И тайну жизни слышишь в тишине.

Снег 41-го

Я твёрдо помню только белый снег.
Забыл все прочие сезоны года.
Пускай метель — лихая непогода,
Но в ней хоть как-то спрятан человек.
А утром кончилась родимая пурга,
Последняя покинула защита.
До горизонта стало всё открыто.
И невские открылись берега.
От Ленинграда больше полпути
Мы одолели — и ещё живые.

И нам пайки маячат фронтовые,
Да не осталось силы, чтоб дойти.
И поманила снежная постель.
И на глаза сползали веки сладко.
Тянули вниз подсумок и лопатка,
Противогаз, винтовка и шинель...
Но шеи истончавший стебелёк
Каким-то чудом поднимался к небу,
И вновь дорогой к фронтовому хлебу
Тащились палки непослушных ног.
И мы брели, шатаясь, вкривь и вкось,
За исключением тех, кого ни матом,
Ни пистолетом под нос и ни ватой
С нашатырём, поднять не удалось.

Всё есть лекарство...

Я отдыхал чуть ли не месяц подряд
Вдали от житейской прозы.
Всё есть лекарство, и всё есть яд —
Это зависит от дозы.
Солнце и горы надоедят.
Где вы, поля и морозы?
Всё есть лекарство, и всё есть яд.
Это зависит от дозы.

Сестре

*Римме Львовне Волковой и её подругам
Из эвакоотряда 35-го Военно-морского госпиталя*

Ну что за черти на железных лапах
Топочут над моею головой?
А это что? Какой волшебный запах —
Весёлый, свежий, нежный, молодой?

И запахи солярки и карболки,
Немытых тел и мокрого сукна,
Мгновенно ступевались и умолкли,
Когда склонилась надо мной Она.

Как раз на жизнь воспоминаний хватит,
Как раз до края, до небесных крыл...
Она сказала: «Ты живой, солдатик?
Ведь ты живой! Вон и глаза открыл».

На палубе баржи шаги гремели,
И глухо грохотало вдалеке...
И девушка в распахнутой шинели
Меня ладонью била по щеке.

Ещё моё сознание было зыбко, —
Должно быть, вправду недалёк был край.
Она ушла, оставив мне улыбку
И приказав: «Смотри, не умирай!»

И я живу, послушаться не смею.
А в миг, когда погаснет мой огонь,
Мне кажется, что я ещё сумею
Губами ощутить её ладонь.

*Памяти Николая Ивановича Мордовченко,
профессора филфака Ленинградского университета*

Рубеж сороковых-пятидесятих
Я не забуду, доживу хоть до ста.
Период книг и авторов изъятых.
Период выдвижения прохвостов.
Колонный зал. Собрание иль дознание.
А духота... Сижу у самой двери.
И вдруг у зала пресеклось дыханье —
Кто-то сказал чуть слышное: «Не верю»?
«Ошибки — да! Но антипатриотом
Я никогда бы не назвал коллегу...»
Лицо, подобно тающему снегу,
Исходит смертно-леденящим потом.
Не ведал я, как этот шаг был труден
И почему в глазах такая мука.
Одно я понял: есть в России люди,
Есть подлинная русская наука.

В марте 2006 г. я получила от него электронное письмо, в котором были такие слова: «В общем, не надо только складывать руки. Об одном из замыслов хотелось бы посоветоваться с Вами. Когда я жил полгода у внука в Оклахоме, из всей моей библиотеки у меня было одно собрание сочинений Чехова, и я его перечитывал из тома в том. Захотелось написать о детской теме у Чехова. Не о детских рассказах только. Чехов сомневался в существовании особой детской литературы и специально для детей написал всего один рассказ — “Белолобый”. Да вошли в круг детского чтения еще четыре. А меня интересует именно детская тема, которая целостно и существенно сказалась почти в семидесяти произведениях. <...> К сожалению, я не знаю Вашей докторской диссертации, там наверняка об этом есть. Но что и как? Если мой вопрос не ко времени, отложите его или забудьте. А если выберете минуту — посоветуйте, стоит ли писать».

Однако моё письмо уже не было прочитано — не успело. Жизненный круг этого человека замкнулся.

Фонарь погас, погасли зеркала,
И лист погас. Но не погасло Слово.

Примечания

1. Теперь он называется Ленинградский областной институт развития образования.
2. Тогда ЛОИУУ находился в Юсуповском дворце (наб. р. Мойки, 94).
3. Н. А. Пленкин — воспоминания об ученом и человеке. СПб., 2001.
4. Качурин М. Г., Кудырская Г. А., Мурин Д. Н. Санкт-Петербург в русской литературе: В 2 т. СПб., 1996.
5. Библия и русская литература: Хрестоматия / Сост. М. Г. Качурин. СПб., 1995; Качурин М. Г. Литература Древней Руси. 2005.
6. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/ven/okp/etu/index.htm>
7. Режим доступа: <http://som.fsio.ru/getblob.asp?id=10024937>

ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

8. См., к примеру, *Качурин М. Г.* Явное и скрытое в пространственно-временной структуре реалистического повествования [на примере «Выстрела»] // Пушкиниана 1987 года. Режим доступа: feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/vr93.htm; *Качурин М. Г., Шнерсон М. А.* «Вот твой вечный дом...». Личность и творчество Михаила Булгакова: Книга для юношества. СПб., 2000.